

УДК 892.09

На правах рукописи

ЮРЬЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

**КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА
В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Ч. Т. АЙГМАТОВА**

Специальность – 10. 01. 01. Русская литература
(Филологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Бишкек - 2002

Работа выполнена в Бишкекском гуманитарном университете

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор В.Я. ВАКУЛЕНКО

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор И.А. ШЕРСТЮК;
кандидат филологических наук,
доцент Л.В. МИХАЙЛОВА

Ведущая организация:

Омский государственный
университет

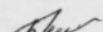
Защита состоится "20" декабря 2002 г в 14⁰⁰ час.
на заседании специализированного совета К. 730. 001. 01.
по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук
в Кыргызско-Российском Славянском университете по адресу: 720000,
г. Бишкек, пр. Чуй. 44.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Кыргызско-Российского Славянского университета.

Автореферат разослан "15" ноября 2002 года.

Ученый секретарь

специализированного совета.

кандидат филологических наук, доцент Койчуев Б. Т.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы.

Пронизывающий все творчество Ф. М. Достоевского неподдельный интерес к духовному миру человека, потаенным сферам его существа, постоянное тяготение к крайней поляризации нравственных категорий, резкая контрастность литературных характеров дают основание говорить о своеобразии форм художественного психологизма, используемых русским писателем. Эти отличительные особенности мировоззрения и творческого метода Ф. М. Достоевского обусловили, в свою очередь, неубывающий интерес как исследователей литературы, так и художников слова (в том числе современных) к духовному наследию великого классика.

Творчество Ч. Т. Айтматова самым красноречивым образом свидетельствует об этом. В стремлении киргизского прозаика к тончайшему психологическому анализу, постановке острейших нравственных, философских и социальных проблем бытия очевидно, на наш взгляд, типологическое сходство художественного мировосприятия и мироощущения этих писателей. Сам Ч. Т. Айтматов, признавая факт плодотворного и активного влияния творчества русского писателя на формирование собственной мировоззренческой концепции, отмечал: «Как великий художник Достоевский оказал революционное воздействие на весь ход мирового литературного процесса XIX-XX веков. Благодаря творчеству Достоевского художественная мысль последующих поколений сосредоточена на глубинном рассмотрении человеческой личности, ее психологии...»¹. Несомненно, становление киргизского писателя как художника не ограничилось процессом односторонней рецепции духовной мысли Ф. М. Достоевского. Проза Ч. Т. Айтматова являет собой пример любопытного сочетания самых разнообразных мотивов и художественных традиций собственно национальной и мировой культуры.

Тенденция комплексного освоения проблемы преемственности в литературе обнаруживает свои истоки постоянно. И это закономерно: специфически новое находится в тесной связи с общим историческим и литературным процессом, ибо всегда рождается на прочном фундаменте культурного наследия. Вместе с тем, если мы хотим по-настоящему изучать отношения между классическим наследием и новыми явлениями в литературе, будет весьма ошибочно

¹ Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водой...: Очерки, статьи, беседы, интервью. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979. – С. 215.

довольствоваться лишь констатацией их сходства. Литературно-художественные связи, видоизменяясь и преломляясь под воздействием новой среды, трансформируются, так сказать, в дифференцирующие явления. Подобные факты становятся особенно очевидными, когда речь заходит о возможных точках соприкосновения интонационных писателей, творящих, к тому же, в разные эпохи, что, на наш взгляд, в полной мере относится к творчеству Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова.

Метод сравнительно-исторического анализа, положенный в основу настоящего диссертационного исследования, показал наряду с объективными чертами сближения и принципиальные отличия во взглядах и творческих исканиях Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова. Это и послужило толчком к установлению *типологической общности* творчества сопоставляемых писателей, подразумевающей, как уже было отмечено, не только точки соприкосновения, прямое заимствование или переработку опыта предшественника, но и исследование специфических особенностей художественного мировосприятия и качественно новых творческих принципов. При этом необходимо отметить, что научно результативным, с нашей точки зрения, может быть лишь сравнение, вскрывающее внутреннюю связь, своеобразие и *типологические особенности* творческих поисков разных художников, поставленное на конкретную *историческую почву*. Следовательно, научное исследование должно быть направлено не только на сам текст художественного произведения, материал творчества, но и на изучение закономерностей жизненного процесса, отражение нравственно-философского содержания эпохи, исторической психологии людей.

Интерес художников слова к психологическому анализу закономерен: литература издавна считалась первоосновой человековедения, а проблема художественного психологизма всегда была одной из самых важных ее задач. Благодаря характеру своей образности, литература стремится к целостному постижению личности в единстве ее внешней и внутренней жизни. Эти возможности литературы в освоении и воссоздании духовно-психологической жизни персонажей составляют сердцевину художественного мира любого писателя. Однако особую значимость и актуальность проблема художественного психологизма приобретает преимущественно в жанровой форме романа, сосредоточенной, по мысли В. Г. Белинского, на изображении чувств, страстей и событий частной и внутренней жизни людей.

Действительно, из всех литературных жанров именно роман, благодаря многообразию сюжетных линий и широкомасштабному пространственно-временному континууму, позволяет тщательнейшим

образом проследить всевозможные перипетии духовной жизни персонажей. Именно это обстоятельство обусловило выбор материала диссертационного исследования, основу которого составило романное творчество Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова.

Кроме сопоставления романов «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и романов Ч. Т. Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха» и «Тавро Кассандры», в орбиту нашего исследования вовлекаются те историко-литературные явления и процессы, которые способствуют более глубокому изучению типологических особенностей художественного психологизма, как то:

- характер и содержание духовной, эстетической, философской и психологической мысли эпохи рубежа веков;
- многообразие связей человека с миром природы и общества как основной предмет искусства;
- взаимодействие общенсторических и имманентных факторов литературного развития;
- распространение и причины возникновения ведущих мотивов в творчестве сопоставляемых писателей и др.

Наиболее важный этап становления психологической прозы, безусловно, явило собою творчество Ф. М. Достоевского¹.

¹ См.: Бочаров С. Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчестве Горького // Социалистический реализм и классическое наследие (Проблема характера) – М.: Гослитиздат, 1960; Горячкина Н. С. Некоторые особенности психологизма Достоевского и Щедрина // Русская литература. – 1972. – № 1. – С. 19-33; Карачи Л. Роль рассказчика в психологической системе Достоевского // Ежедневник XXI. – Дзержинск. 1984. – С. 41-57; Капица Н. В. Человек в творчестве Ф. М. Достоевского. – М.: Художественная литература, 1986; Курляндская Г. Б. Психологизм Достоевского // Курляндская Г. Б. Нравственный идеал героев Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – С. 58-102; Осмоловский О. Н. Достоевский и русский психологический роман. – Кишинев: Штиинца, 1981; Ставиота А. П. Постигание человека. Творчество Достоевского. 1840-1860. – Минск: Изд-во Белорусского ун-та, 1976; Тюнькин К. Психологическое течение в литературе критического реализма (Ф. М. Достоевский) // Развитие реализма в русской литературе. – М.: Наука, 1976. – Т. 2. – С. 144-215; Тюхова Е. В. Повесть Тургенева «Несчастная» и Достоевский. Принципы психологического анализа // Научные труды Курского пединститута. – 1975. – Т. 17. – С. 130-149.

В свою очередь, принципиально обновленный тип психологического письма Ч. Т. Айтматова в не меньшей степени способствовал появлению целого ряда критических и диссертационных работ, направленных на исследование тех или иных методов и приемов психологического анализа, присущих киргизскому писателю¹. Однако в круг этих исследований не вошел всесторонний анализ романских форм Ч. Т. Айтматова, где своеобразие психологической манеры писателя проявилось с особенной остротой. Исключение составляют, пожалуй, лишь работы И. Д. Лайлиевой и Б. Т. Койчуева. Так, например, в монографии И. Д. Лайлиевой «Интернациональный фактор и психологизм современной киргизской прозы», наряду с ранними повестями Ч. Т. Айтматова, анализируется роман «И дольше века длится день» с точки зрения психологической разработки характера.

В диссертационном исследовании Б. Т. Койчуева «Особенности современного философско-психологического романа» нашла свое отражение важнейшая проблема соотношения психологизма и философской проблематики на примере сопоставления романного творчества Т. Пулатова и Ч. Айтматова.

Обращает на себя внимание и недавно выпущенная монография Ч. Т. Джолдошевой и Ч. З. Мамытбековой «Двуязычное творчество Ч. Айтматова»². Объектом исследования этой работы являются не только некоторые проблемы билингвизма и перевода творчества киргизского прозаика, но и жанрово-стилевое своеобразие

¹ См.: Лайлиева Г. А. Особенности психологической разработки характера и современной советской прозе (на материале казахской и киргизской литератур): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987; Исенов А. Психологизм современной прозы: на материалах творчества Ч. Айтматова. – Алма-Ата: Жазуучу, 1985; Койчуев Б. Т. Особенности современного философско-психологического романа: Дис. ... канд. филол. наук. – Бишкек, 1994; Лайлиева И. Д. Интернациональный фактор и психологизм современной киргизской прозы. – Фрунзе: Илим, 1983; Расулова Г. А. Мастерство Ч. Айтматова в создании характера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1976; Руми П. Ш. Художественный психологизм прозы Ч. Айтматова: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987; Теренина Н. А. Из наблюдений над психологическим анализом в повести Ч. Айтматова «Белый пароход». – Уч. зап. Пермского университета: Вып. 3. – Пермь, 1975. – Т. 140. – С. 18 – 32; Укубаева Л. Особенности изображения характеров в произведениях Ч. Айтматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979; Хлыпенко Г. Н. Поиск – мастерство – поиск: Статьи. Исследования. – Фрунзе: Кыргызстан, 1976.

² Джолдошева Ч., Мамытбекова Ч. Двуязычное творчество Чингиза Айтматова. – Бишкек, 1997.

его романов «И дольше века длится день», «Плаха» и «Тавро Кассандры», обладающее широкими возможностями повышать «удельный вес» психологического изображения в общей системе повествования.

К проблеме художественного психологизма в произведениях Ч. Т. Айтматова в той или иной мере обращались К. Асаналиев, А. Акматалиев, Ч. Т. Джолдошева, М. А. Рудов, Е. К. Озмитель, Г. Д. Гачев, Л. И. Лебедева, В. П. Левченко, Э. Н. Лукоянова и др.

В орбиту пристального внимания исследователей неоднократно попадали и многочисленные факты воздействия традиций мировой и русской классической литературы на формирование творческого сознания Ч. Т. Айтматова¹. В этой связи следует особо отметить докторскую диссертацию И. Д. Лайлиевой на тему: «Традиции мировой литературы в киргизской прозе», материалы которой в немалой степени способствовали написанию настоящего диссертационного исследования, а также некоторые другие работы исследователя, направленные на изучение воздействия традиций Ф. М. Достоевского на творчество Ч. Т. Айтматова².

Тем не менее, до сих пор остаются не проясненными принципы включения мотивов наследия Ф. М. Достоевского в структуру художественного мира киргизского писателя. Требуют своего осмысления и романы Ч. Т. Айтматова, появившиеся в последние годы и не изучавшиеся с точки зрения индивидуального и национального своеобразия средств художественного психологизма. Не получили своего достаточно полного изучения и историко-теоретические вопросы, связанные с возникновением и становлением нового типа психологизма. Наконец, еще не предпринималось сколько-нибудь

¹ См.: Гачев Г. Чингиз Айтматов и мировая литература. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982; Жиркова И. А. Живые традиции классики: И. Бунина и Ч. Айтматов // Двусторонние литературные связи в эпоху развитого социализма. – Фрунзе: КГУ, 1985. – С. 29-39; Лайлиева И. Д. Традиции русской классической и мировой литературы в киргизской прозе. – Фрунзе: Илим, 1988; Лайлиева И. Д. Традиции мировой литературы в киргизской прозе: Дис. ... д-ра филол. наук. – Бишкек, 1995; Разумная И. С. Чингиз Айтматов и русская литература // Чингиз Айтматов и современная советская многонациональная литература: Сб. науч. статей. – Фрунзе: КГУ, 1987. – С. 14-26.

² См.: Лайлиева И. Д. Фантастическое в реальном: К вопросу воздействия традиций Ф. М. Достоевского на творчество Ч. Айтматова // Современный литературный процесс и творчество Ч. Айтматова. – Фрунзе: Илим. – 1985. – С. 13-15; Лайлиева И. Д. Христианская традиция в мировой литературе: от Достоевского до Айтматова // Материалы конференции проф.-преп. состава БГУ, 1994.

существенных попыток типологического сравнения творчества Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова в аспекте интересующей нас проблемы. Вот почему тема предлагаемого диссертационного исследования представляется нам в высшей степени актуальной.

Как известно, существуют различные формы психологизма. Например, нет никакого сомнения в том, что перу Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова и У. Фолкнера присущ так называемый *явный, открытый, «демонстративный»* психологизм. Вместе с тем, хорошо известны и примеры *скрытого* освоения внутреннего мира человека. Весьма показательны в этой связи слова И. С. Тургенева, полагавшего, что художник слова должен быть «тайным» психологом. Вот почему для целого ряда его произведений характерны недосказанность и недомолвки. *Неявный, «подтекстовый»* психологизм преобладает и в творчестве А. П. Чехова, где о переживаниях героев говорится бегло и вскользь (существенная роль здесь принадлежит так называемым «подземным течениям»).

Что касается Ч. Т. Айтматова - художника бесспорно глубочайших антропологических открытий, то было бы весьма сомнительно причислять его проникновения в мир человека к открытым, «демонстративным» методам исследования. Обилие мифологических мотивов и архетипических образов в его творчестве позволяет говорить о явлении несколько иного порядка - «*мифологическом*», или, что точнее, «*архетипическом*» психологизме. Это положение и выносится в качестве *научной гипотезы* данного диссертационного исследования.

В связи с вышесказанным *основная цель работы* - исследование типологических особенностей и индивидуальных свойств художественного психологизма, присущих романному творчеству Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова.

Для достижения указанной цели поставлены следующие *задачи*:

1. Определить индивидуальное своеобразие и типологические особенности изображения внутренней жизни человека в творчестве сопоставляемых писателей.
2. Выявить основополагающие факторы художественного психологизма в романном творчестве Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова.
3. Показать, как трансформируются усвоенные Ч. Т. Айтматовым факторы художественного психологизма Ф. М. Достоевского, раскрыть их своеобразие и отличительные особенности.
4. Охарактеризовать основные функции художественной символики, архетипических и мифологических мотивов в постановке и разрешении

философско-психологической проблематики романов Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова.

5. Обозначить особенности и своеобразие историко-литературного процесса рубежа XIX-XX в.в. и XX-XXI в.в. под перекрестным вниманием творчества сопоставляемых писателей и в рамках темы, вынесенной в заглавие данного диссертационного исследования.

Методологическую основу диссертации, помимо фундаментальных трудов А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, А. С. Бушмина, В. М. Жирмунского, Н. И. Пруцкова, Д. С. Лихачева, составили принципы сравнительно-типологического и историко-литературного методов исследования.

Степень изученности и научная новизна исследования.

Известно, что художественный психологизм как предмет научного исследования неоднократно подвергался осмыслению в теоретическом и историко-литературном аспектах. Существенным вкладом в изучении данной проблемы явилась книга Л. Я. Гинзбург «О психологической прозе»¹.

Неоценимое значение для понимания концепции художественного психологизма имеют и труды других исследователей, в основе которых лежит принцип сравнительного анализа². Эти труды важны тем, что на основе сравнительно-сопоставительного метода исследуются многообразные типы психологизма, прослеживается эволюция форм и средств психологического анализа в творчестве разных писателей.

Значительно обогатили научные представления о психологическом романе и средствах психологического анализа

¹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. - М.: Советский писатель, 1971.

² См.: Айтпаева Г. А. Особенности психологической разработки характеров в современной советской прозе (на материале казахской и киргизской литератур): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1987; Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева: Тургенев и Достоевский // Русская литература. - 1968. - № 4. - С. 34-50; Горячкина П. С. Некоторые особенности психологизма Достоевского и Щедрина // Русская литература. - 1972. - № 1. - С. 19-23; Гриппин А. С. Традиции и новаторство в решении проблемы психологизма современной советской прозы 2-ой половины 20-х г. г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1980; Есин А. Б. О двух типах психологизма // Чехов и Л. Толстой - М.: Наука, 1980; Иванова В. Новые формы изображения внутреннего мира персонажей в современной реалистической прозе // Новые черты реализма на Западе. - М.: Советский писатель, 1986. - С. 126-134; Полоцкая Э. А. Человек в художественном мире Достоевского и Чехова // Достоевский Ф. М. и русские писатели: Традиция. Новаторство. Мастерство. - М.: Советский писатель, 1971. - С. 184-245.

монографии Б.И. Бурсова «Лев Толстой и русский роман» и М.Б. Храпченко «Лев Толстой как художник»¹.

Обращает на себя внимание и книга В. Компанейца «Художественный психологизм в советской литературе»². Автор этой работы, сочетая конкретно-аналитический подход с попыткой глубокого теоретического осмысления, на обширном историко-литературном материале прослеживает эволюцию героя и формирование его психологии. Тщательно изучая специфику психологизма в литературе 20-х годов, В. Компанеец пытается представить общую картину становления психологизма в советской литературе, отмечая при этом огромное влияние русской классической литературы на весь ход последующего литературного развития.

Среди работ, в которых на основе историко-литературного и сравнительно-типологического анализа рассматривается процесс становления и развития психологизма в советской литературе, следует выделить тематические сборники статей Томского университета «Проблемы психологизма в художественной литературе», Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена «Проблемы психологического анализа в литературе», а также сборник научных трудов «Проблемы психологизма в советской литературе»³. Однако следует заметить, что авторы вышеперечисленных исследований, базируясь на принципах марксистско-ленинской методологии, уделяют преимущественное внимание социально-идеологическому аспекту данной проблемы, игнорируя подчас общечеловеческие, духовно-нравственные критерии.

Кроме названных типов работ, нельзя упустить так называемые частные научные изыскания, посвященные анализу художественного

¹ Бурсов Б. И. Лев Толстой и русский роман. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1963; Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. – М.: Художественная литература, 1978.

² Компанеец В. В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). – Л.: Наука, 1980.

³ См.: Проблемы психологизма в художественной литературе. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980; Проблемы психологического анализа в литературе. – Л.: ЛГПИ, 1983; Проблемы психологизма в советской литературе. – Л.: Наука, 1970.

психологизма в творчестве отдельно взятого писателя или литературе определенной национальной принадлежности¹.

Особый интерес представляют исследования, где четко обозначается ряд малоизученных аспектов интересующей нас проблемы, таких, например, как связь художественного психологизма с жанром и литературным стилем, исследование природы психологии творчества и восприятия литературного произведения, а также психоаналитического подхода к изучению художественного текста - принципов, способствующих более глубокому проникновению в тайны человеческой психики². Общей тенденцией этих работ является постановка и решение психологических проблем, направленных на исследование формы и материала искусства.

Таким образом, в своих кардинальных аспектах художественный психологизм как предмет научного исследования изучен достаточно разносторонне. Тщательно исследованы генезис и «поэтика» художественного психологизма, выявлены основные средства и формы отражения внутреннего мира человеческой личности, рассмотрены критерии функциональной значимости многообразных форм психологического анализа, объяснены причины активизации и спада психологического начала в художественной литературе. Кроме того,

¹ См.: Алексеев Н. П. Аспекты психологизма в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1990; Бахтин М. М. Герой и поэтика автора по отношению к герою в творчестве Достоевского // Психология личности: Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1982; Зайцева Н. А. Формирование художественного психологизма в прозе М. Ю. Лермонтова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983; Решетова Л. И. Изображение и психологический анализ в прозе Лермонтова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1981; Таханов С. Ш. Формы психологического анализа в современной казахской прозе: Дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1986; Хатипов Ф. М. Психологизм в современной татарской прозе: Дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1982.

² См.: Ариаднов М. Психология литературного творчества. – М.: Прогресс, 1970; Выготский А. С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987; Есин А. Б. Художественный психологизм как свойство литературного стиля: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980; Карташова И. В., Емельянова Т. П., Семенов Л. Е. Историческая психология и литературоведение: возможности и перспективы взаимодействия // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 3-12; Королев С. Вопросы психологической характеристики // Эстетика и литература. – М.: Художественная литература, 1966; Страхов И. В. Психологические проблемы // Психология в художественном изображении сновидений. – Саратов, 1995 и др.

психологизм осмыслен в системе взаимодействия и взаимообогащения национальных литератур, что отнюдь не исключает целесообразность дальнейшего изучения данной проблемы.

В последние десятилетия художественная литература претерпевает заметные изменения в принципах изображения характера человека, его духовного мира. Это связано с крупнейшими достижениями в самой психологической науке и прежде всего с психоанализом З. Фрейда; научными открытиями в области коллективного бессознательного, архетипов и психологических типов К. Г. Юнга; изучением соотношений бессознательного и социального факторов в личности человека Э. Фромма¹. Несмотря на то, что наука психология не исчерпывается исследованиями этих ученых и пошла далеко вперед, пройти мимо их влияния на искусство и литературу XX в. невозможно.

В своем развитии художественный психологизм обнаруживает все новые и новые грани, которые нельзя отнести только на счет степени одаренности и мастерства того или другого автора и тем более на счет влияния традиций предшественников. Изобразительно-выразительные средства, которые были недоступны писателям еще несколько десятилетий назад, дала им современная наука о психике и психическом. Так, например, учение К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного не могло не наложить отпечатка на мощный потенциал ритуализма и мифотворчества современных художников слова. Симптоматично, что творчество Ч. Т. Айтматова изобилует архаическими и мифологическими мотивами, являя, таким образом, богатейший операциональный инструментарий психологического анализа.

В представляемом диссертационном исследовании предпринимается попытка историко-теоретического обоснования развития художественного психологизма на примере творчества Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова. Причем особенную остроту приобретает всесторонний анализ психологического письма сопоставляемых писателей под перекрестным и весьма ощутимым

¹ См.: Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций: Методика и техника психоанализа. – СПб.: Алетейя, 1999; Его же. Психология бессознательного: Сб. произведений. – М.: Просвещение, 1990; Юнг К. Г. Собрание сочинений: Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994; Его же. Психологические типы. – М.: Прогресс-Универс, 1995; Фромм Э. Характеры и социальный процесс // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М.: Изд-во МГУ, 1982.

воздействием упомянутых достижений в области психологии. Этим и определяется научная новизна данной диссертационной работы.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы при изучении творчества Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова в вузовских курсах истории русской литературы, истории литератур народов Средней Азии и Казахстана, спецкурсах и спецсеминарах, а также при изучении основных тенденций развития современной литературы.

Апробация диссертации.

Основные положения работы отражены в публикациях, список которых приведен в конце автореферата.

Структура диссертации.

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность проблемы, определяется научная новизна и практическая значимость работы, раскрывается степень ее изученности, выдвигается научная гипотеза, формулируются цели и задачи исследования, характеризуется методологическая основа.

Первая глава – «Философско-психологическая концепция личности в творчестве Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова» – посвящена исследованию типологической общности и индивидуального своеобразия в художественной манере изображения человека в романах Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова.

Поскольку в творчестве сопоставляемых писателей явственно обнаруживается стремление авторов к углубленному психологизму с одновременной постановкой глобальных философских проблем, то вполне закономерно говорить об их *философско-психологическом* осмыслении концепции личности, что само по себе определяет сферу научного интереса предприняемого диссертационного исследования.

В процессе сравнительно-исторического анализа диссертантом было сформулировано рабочее определение термина «*философско-психологическая концепция личности*», представляющего, на наш взгляд, своеобразную мировоззренческую формулу, доминантами которой являются художественные особенности изображения внутреннего содержания человека наряду с постановкой и осознанием субстанциональных проблем бытия (§ 1. Проблема философско-психологического осмысления личности в литературе).

Как правило, концепция личности, сложившаяся в художественном сознании того или иного автора, находит свое воплощение в литературном характере. Не явилось исключением в данном случае и творчество сопоставляемых авторов. Однако, несмотря на ряд идейно-тематических сближений в обрисовке психологических свойств человека, взгляды Ч. Т. Айтматова на интересующую нас проблему существенно отличаются от позиции Ф. М. Достоевского.

Для того, чтобы глубже понять механизм типологической общности и индивидуального своеобразия в художественной манере изображения образа человека Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова, далее первая глава композиционно выстраивается следующим образом: сначала подробно анализируются произведения русского классика, творчество которого предвосхитило некоторые тенденции развития всей эстетической мысли XX века (§ 2. Мир человека и человек в мире в романном творчестве Ф. М. Достоевского), а затем рассматриваются романы киргизского прозаика (§ 3. Проблема постижения духовной сущности человека в романах Ч. Т. Айтматова).

Таким образом, используя принципы сравнительного литературоведения, в данной главе была предпринята попытка исследовать индивидуальные и типологические особенности философско-психологической концепции личности в творчестве Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова.

Анализ произведений сопоставляемых писателей показал многообразие используемых средств художественного психологизма, позволяющих глубже проникнуть в духовную сферу человеческой личности. Помимо этого, в творческом арсенале того и другого автора на первый план выходят философская глубина и аналитический подход в осмыслении природы человека. Касаясь скрытых пластов психики, Ф. М. Достоевский и Ч. Т. Айтматов наполняют свои произведения чрезвычайно богатым *архетипическим* содержанием. А общая мифологичность некоторых произведений Ф. М. Достоевского и творчества Чингиза Айтматова в целом позволяет соотносить принципы художественного психологизма, используемые писателями, с явлением одного порядка – «*мифологизацией психологии*» или «*архетипическим психологизмом*». Поэтике Ч. Т. Айтматова, в отличие от Ф. М. Достоевского, присуще наиболее активное включение в художественную структуру произведений народнопоэтических сказаний, легенд, притч, мифов. При этом способы введения мифологического материала, с одной стороны, глубоко индивидуализированы, так как проходят сквозь призму

художественного сознания самого писателя, а с другой – обнаруживают некоторые общие закономерности мифологической традиции в целом.

Не случайно Н. Лейтес, исследуя процессы органического усвоения мифологических традиций в современной литературе, отметила, что мифотворчество является одним «из способов художественного познания глубинных связей, вещей и явлений, их общечеловеческого смысла». По мнению исследователя, в сфере духовных интересов наблюдается своеобразная «мифологизация психологии»¹. Вполне очевидно, что речь здесь идет не столько о мифомышлении, сколько о некоторой первооснове, *архетипах*, воплощаемых во вполне современных по замыслу произведениях литературы и искусства.

Еще швейцарский психолог К. Г. Юнг, занимавшийся изучением соотношения сознательного и бессознательного в психологическом бытии, пришел к мысли, что при изучении человека огромную роль играет так называемое *коллективное бессознательное*, концентрирующее в себе «реликты архаического опыта, что живут в бессознательном современного человека»². Проще говоря, *коллективное бессознательное* впитывает психологический опыт человека, делящийся многие века. Или, как говорил К. Юнг, наши души, как и тела, состоят из тех же элементов, что тела и души наших предков. Тем самым они хранят память о далеком прошлом, то есть *архетипическую* память. В ходе анализа психики К. Г. Юнг обосновал и само понятие *архетипа*. «*Архетип*» – (от греч. *archetypicos* – первообраз – модель) – это находящиеся априори в основе индивидуальной психики инстинктивные формы, которые обнаруживаются при проникновении в сознание и проступают в нем как образы, картины, фантазии, достаточно трудно определяемые. «Следует отказаться, – писал ученый, – от мысли, что архетип можно объяснить... Всякая попытка объяснить окажется не чем иным, как более или менее удачным переводом на другой язык»³. Одновременно с открытием бессознательной сферы психики К. Г. Юнгом была зафиксирована полярность психических структур, то есть наличие противоположностей и противоречий, что с наибольшей отчетливостью проявилось еще в творчестве Ф. М. Достоевского.

¹ Лейтес Н. Личность и мир (О художественном психологизме в прозе социалистических стран Европы) // Вопросы литературы. – 1987. – № 4. – С. 153.

² Юнг К. Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. – Киев, 1994. – С. 175.

³ Там же. – С. 166.

Характерно, что *архетипы*, заложенные в психике, реализуются и обнажают себя в самых разнообразных формах духовной деятельности, но более всего - в мифологии, в фольклоре. По словам Е. Мелетинского, «миф, героический эпос, легенда, волшебная сказка чрезвычайно богаты архетипическим содержанием»¹. При этом обнаруживается, что архетипы, как утверждает А. А. Брудный, - «образуют фундамент понимания, погруженный в глубины общего для всех людей бессознательного слоя психики»². Таким образом, *архетипический* подход при анализе художественного творчества способствует более глубокому проникновению в бессознательные сферы человеческой психики, зарождающиеся в прантории и повторяющиеся в виде *архетипических* ситуаций, образов, мотивов.

Что касается сопоставляемых писателей, то они, сознательно или неосознанно, дают материал для подобной трактовки, представляя своих героев носителями как бы различных антиномических сил, которые пылливо ищут ответы на вечные, метафизические вопросы. Так, например, во многих произведениях Ф. М. Достоевского явно проступают *архетипы* двойника: космоса и хаоса, гармонии и дисгармонии, героя и антигероя, добра и зла, добродетели и преступления и т. д. Их наличие, кроме М. Бахтина, отметили В. Ветловская, Е. Мелетинский, В. Топоров, и другие исследователи³.

Безусловно, примером глубоко мотивированного использования древних сказаний и иных *архетипически* значимых форм культуры и быта являются и романы Ч. Т. Айтматова. Творчески интерпретируя мифологические сюжеты, современный прозаик не просто осваивает народные предания, но подключает их к разрешению философских, психологических и нравственных проблем произведения. Кроме того, четко выраженная ориентированность Ч. Т. Айтматова на поиски *архетипических* начал позволяет, на наш взгляд, «выйти» за пределы

¹ Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. - М.: РГГУ, 1994. - С. 50.

² Брудный А. А. Наука понимать. - Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1996. - С. 65.

³ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. - М.: Советская Россия, 1979; Ветловская В. Поэтика романа «Братья Карамазовы». - Л: Наука, 1977; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. - 2 изд., репринт. - М.: Вост. лит.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995; Его же. Ф. Достоевский в свете исторической поэтики: Как сделаны «Братья Карамазовы». - М.: РГГУ, 1996; Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтики: Избранное. - М.: Прогресс; Культура, 1995.

конкретного исторического времени и доказать существование вечных, неизменных начал в бессознательной части человеческой психики, а также увидеть многие существенные стороны в структуре и содержании самого произведения. Так, например, активно используя мифологический сюжет в романе «И дольше века длится день», автор заостряет внимание на проблеме преемственности в жизни человеческого рода, неразрывной связи времен, сохранения памяти о прошлом (*архетипической* памяти), в чем бы она ни проявлялась, ибо: «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, - утверждает Ч. Т. Айтматов, - оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем» [III, 6].

Однако, несмотря на некую «архетипическую» общность в постижении психологии личности, взгляды Ч. Т. Айтматова на человека и его противоречия не всегда совпадают с мотивами Ф. М. Достоевского. Предельная сложность и парадоксальность душевной жизни, «расщепленность» человеческой психики (архетипы двойника, истоки которых берут свое начало в христианстве: вечная борьба на паритетных началах Христа и Антихриста, Добра и Зла, Света и Тьмы, Гармонии и Хаоса), огромная сфера и роль бессознательного, проявляющегося, как правило, в болезненном состоянии человека, бреду, припадках и снах чрезвычайно интересовали русского классика. Подобную сложность трудно отыскать в характерах, создаваемых Ч. Т. Айтматовым.

В произведениях киргизского прозаика человеческой природе едва ли свойственна многослойность, парадоксальность, внутренняя «расколотовость» сознания. Отчасти это проявилось лишь в образе монаха Филофея - главным действующим лицом романа «Тавро Кассандры». Герои современного писателя в большинстве своем цельны. Для Ч. Т. Айтматова характерно познание, условно говоря, не противоречивости человеческой души, а некой субстанциональной данности, хотя и не лишенной сложности и неоднозначности. Кроме того, Чингиз Айтматов глубоко метафоричен. Он постоянно занимается поиском новых форм, тяготеющих к условности, чистому вымыслу, фантазии, антиутопизму, который свойствен более позднему творчеству писателя. Вместе с тем, нельзя отрицать некую условность, фантастичность (подчас граничащую с антиутопичностью) и метафоричность пера его великого русского предшественника.

Однако здесь следует помнить о главном (и в этом автор данного диссертационного исследования солидаризируется с точкой

зрения Л. Аннинского¹): критерии ценностных ориентаций, уровни художественного, нравственно-философского и религиозного сознания Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова существенно разнятся. С одной стороны – христианское богоборчество, вера в спасительную силу русского православия, с другой – «магия родового корня», архетипическая память тюркских народов и поиски нового, непременно собственного Бога – Бога-Совести. Отсюда – оригинальность и неповторимость философско-психологических концепций личности сопоставляемых писателей.

И еще одно обстоятельство чрезвычайной важности. Для Ч. Т. Айтматова (и в этом он вновь следует «магии родового корня») природа – живое чудо, а человек – ее неотъемлемая часть. Если Ф. М. Достоевский практически не включает в структуру своих произведений анималистические образы, то киргизский прозаик, напротив, активно использует их. Выполняя очень важные смысловые функции, образы животных, органично введенные в художественную ткань айтматовских произведений, высвечивают и одновременно способствуют созданию новой философско-психологической концепции личности.

Таким образом, философско-психологическая концепция личности Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова наряду с явными чертами сближения имеет ряд принципиальных различий, коренящихся, главным образом, в своеобразных эстетических и мировоззренческих взглядах писателей.

Во второй главе диссертации «Эсхатологические мотивы в поэтике Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова как фактор художественного психологизма» объектом исследования явилась проблема грядущего Апокалипсиса в контексте «психологического» письма сопоставляемых писателей.

В § 1. «Мотивы Апокалипсиса и «Страшного мира в русской литературе XX века» анализируются произведения русских писателей XX века со свойственным им апокалиптическим пониманием истории.

В § 2. «Катастрофо-апокалиптическая направленность романного творчества Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова» рассматриваются романы писателей, в которых нашли свое отражение эсхатологические мотивы, усиливающие философско-психологический подтекст, высвечивая, таким образом, не только потаенные уголки души

человека, но и субстанциональные пласты коллективной психологии – ментальность целой эпохи.

В мировой литературной традиции тема грядущего Апокалипсиса присутствовала во все времена. Но особенное звучание эсхатологическая тематика приобретает на так называемых поворотных вехах развития человечества, своеобразных рубежах, исторических канунах. Не случайно в конце XIX - начале XX в. в и в конце XX - начале XXI в. в. тенденция к восприятию грядущих эпохальных событий в катастрофо-апокалиптическом ключе явилась общей почти для всей творческой интеллигенции и получила необычайно широкое распространение в литературе. Похоже, атмосфера исторических канунов располагает к трагическому ощущению перелома времени.

В данной главе предпринята попытка научно обосновать жизнеспособность эсхатологической тематик на примере анализа «апокалиптической» литературы некоторых русских писателей конца XIX- начала XX в. в. (Л. Толстого, А. Блока, Л. Андреева, А. Платонова и др.), а также современных прозаиков. В частности, в контексте данной проблемы достаточно емко рассматриваются повесть В. Распутина «Прощание с Матерой», «роман-наваждение» «Пирамида» Л. Леонова, «Новые Робинзоны» Л. Петрушевской, «Онлприя» А. Кима, повесть Л. Бородина «Ловушка для Адама», а также произведения В. Ерофеева «Страшный суд», А. Слаповского «Первое второе пришествие», С. Сорокина «Роман» и некоторые другие. Но поскольку мотивы апокалиптической эсхатологии восходят прежде всего к творчеству Ф. М. Достоевского, в объект пристального внимания попали, так сказать, самые пророческие романы русского классика «Бесы» и «Братья Карамазовы», а также романы Ч. Т. Айтматова «Плаха» и «Тавро Кассандры», где тревога за судьбы людей, пронизанная ощущением «заката», звучит набатным колоколом.

Так, например, в романе «Плаха» эсхатологическая парадигма наиболее отчетливо проявляется во вставной новелле о Понтии Пилате, поскольку в ней ясно вырисовывается катастрофическое понимание человеческой истории. Кроме того, в новелле обнаруживаются ярко выраженные интертекстуальные связи с апокалиптической легендой о Великом Инквизиторе из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Источником данного сближения является отнюдь не воздействие одного автора на другого (Достоевского на Айтматова), а объективная родственность их представлений о судьбах мира и путях обновления человечества. Многовековые мучительные блуждания человечества, скопление зла, толпы обездоленных, постоянная вражда и кровопролитие, торжество низменных начал и безнаказанность

¹ См: Аннинский Л. Локти и крылья: Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 22.

преступления, неспособность людей самостоятельно и свободно устроить свою жизнь и, как следствие, острое ощущение «небесных знамений», приближения конца света – таковы подмеченные Ф. М. Достоевским и Ч. Т. Айтматовым основные черты, характеризующие философско-психологическое и нравственное состояние рубежа веков.

В легенде Ф. М. Достоевского и новелле Ч. Т. Айтматова ощутима близость и на уровне проблематики, а также в созданных ими образах мировой истории – Великом Инквизиторе и Понтии Пилате. Причем, оба автора мыслят образами-концепциями, в которых воплотилось апокалиптическое понимание хода исторического развития человечества. Образы эти не совпадают в своих отдельных мотивах, но «внутренняя душа» их родственна.

Несмотря на то, что в легенде Ф. М. Достоевского отчасти содержится обличение католицизма как религиозно-политической концепции, проповедующей, по мнению писателя, царство антихриста, смысл ее значительно шире и многообразнее. И в новелле Ч. Т. Айтматова развенчивается не просто дьяволово царство кесарей. И в том и другом случае наблюдается, на наш взгляд, отрицание социалистического жизнестроительства казарменного типа как средства и способа духовного возрождения нации. Более того: возьмем на себя смелость утверждать, что некоторые марксисты XX в., как и нигилисты XIX в., в сущности, шли вслед за Инквизитором Ф. М. Достоевского. Наделяя себя неограниченной властью и насаждая деспотические режимы, они, по сути дела, выступали в роли антихриста, царствование которого символизирует в Апокалипсисе приближение конца света. А устраиваемый ими «порядок» и есть материалистический, безбожный социализм, закабаляющий личность обещаниями «хлеба земного» и превращающий массы в «миллионы пасомых душ». Нетрудно убедиться в том, что в легенде воплотились некоторые тенденции извращенного социализма, в частности, вынашивание коварного замысла сделать всех безропотно «счастливыми», мечтаний о покорном и терпеливом народе, безграничном деспотизме и непогрешимости избранных. Некоторые особенности политического движения XIX в. давали Ф. М. Достоевскому все основания полагать, что социализм поглощен лишь одной заботой о земных благах и материальном достатке, о подавлении и закабалении народных масс, о безграничной власти и господстве сильных мира сего. Поэтому революционеры, нигилисты и социалисты в изображении Ф. М. Достоевского высказывают идеи, близкие программе Инквизитора, как, например, П. Верховенский и Шигалев из «Бесов».

В «Плахе» Ч. Т. Айтматова в остром конфликте Авдия с Гришаном – в этом своеобразном продолжении диспута Христа с Понтием Пилатом, как, впрочем, и в самой повелле, также дается критическая оценка общественно-политической системе казарменного социализма. История снова будто бы подтверждает неизменно агрессивную природу неограниченной власти и обреченность открытой борьбы человека против властителей.

Однако не следует сводить легенду Ф. М. Достоевского и новеллу Ч. Т. Айтматова только к карикатуре на казарменный социализм. Общечеловеческая направленность данных произведений ни у кого не вызывает сомнений. Удивительно, но факт: автор легенды, охваченный смятением духа, раздираемый крайними противоречиями великого сретика и во многом разделяющий позицию самого Инквизитора, искал высокие нравственные основания жизни именно в Христе, в бессмертии и в том народе, который грезился ему в утопическом образе избранного народа-богоносца.

Автор же новеллы о Понтии Пилате видит смысл человеческого существования в нравственном совершенствовании и поиске нового Бога. «Бога-Завтра» – прекрасного и великодушного. Кроме того, он призывает каждого человека осознать гибельность избранного им пути, отвергающего моральные принципы и добросердечные отношения.

Итак, несмотря на принципиальные отличия некоторых воззрений на идею жизнестроительства, Ф. М. Достоевский и Ч. Т. Айтматов сошлись в общем для них мироощущении духовного тупика, в который зашел человеческий род: нравственная «ущербность» личности, подмена истинных идеалов мнимыми, отсутствие стремления к самосовершенствованию духа и отрицание человеком законов Добра неизбежно влекут за собой апокалиптический финал. Таковы пророчества этих писателей.

Трагично и страшно представлена Ф. М. Достоевским и Ч. Т. Айтматовым судьба человечества, духовно опустошенного мыслями о разрушении и саморазрушении «неправого и некрасивого» строя в романах «Бесы» и «Тавро Кассандры». «Все свершится топором и грабежом. – предостерегает Петра Верховенского его отец на страницах подготовительных материалов к «Бесам». – Неужели же вы не видите, что подобное перерождение человека, какое вы предлагаете и лично, и общественно не может совершиться так легко и скоро, как вы уверены... Так медленно на практике организуется и устраивается такая насущная потребность каждого человека!... А если это только веками может создаваться, то как можете вы брать на себя создать это в несколько дней (как вы буквально выражаетесь сами)? Итак, не

легкомысленны ли вы и какую ответственность берете вы на себя за потоки крови, которые вы хотите пролить?»¹.

«Достоевские» вопросы, поставленные в «Бесах» в конце XIX столетия, прошли в XX веке через суровые, кровавые испытания – пытку огнем и мечом. Не случайно в последнем романе Ч. Т. Айтматова «Тавро Кассандры» звучат буквально те же вопросы о возможных последствиях, но уже не воображаемой, а свершившейся революции, и не в споре с персонажами, а в публичном обращении к потомкам. Заново переосмысливая итоги недавнего прошлого, Ч. Т. Айтматов открывает некоторые психологические черты революции, которые исчерпывающе и бесстрашно показаны в «Бесах». Освобождение и новое порабощение, переплетенные в революции и других событиях, непосредственно связанных с ней, безграничная свобода и безграничный деспотизм, идущие рука об руку и резко дифференцирующиеся затем, – кому только свобода, а кому только деспотизм; порок и преступление, беззаконие и произвол, «ломка человека в угоду классовой идеологии» – эти почти математические истины, добытые Ф. М. Достоевским, подспудно осваиваются в «Тавро Кассандры» в ходе гигантских исторических экспериментов. Однако Ч. Т. Айтматов открывает в революции не только предвосхищенный Ф. М. Достоевским беспредел неуправляемой толпы, состоящей из полуграмотной массы. Вслед за автором «Бесов» он обращает свой пристальный взгляд в сторону человека у власти и на саму природу «сатанинской» власти.

Как и в предыдущем романе, киргизский писатель возлагает огромную ответственность на человека. «Только искоренение бед и пороков каждым человеком, начиная с себя, и всеми вместе, всем родом людским, может обновить перспективу жизни» [V, 36]. – такова идея, глубоко коренящаяся в сознании Ч. Т. Айтматова. Человек ответствен за происходящее на земле. И именно эта убежденность, подобно убежденности Ф. М. Достоевского, что «всякий пред всеми за всех виноват», составляет краеугольный камень жизнепонимания киргизского писателя.

Итак, в последнем романе Ч. Т. Айтматов увидел и понял то, о чем предостерегал Ф. М. Достоевский. Психологическая механика революции действительно сводится к колоссальной ревизии не только социально-политической системы, когда бывшие рабы становятся деспотами, а бывшие несчастные и страждущие –

мучителями и истязателями, но и ревизии человеческих душ, обнажившей впоследствии самые уродливые проявления психики недавних угнетенных и оскорбленных и приблизившей, таким образом, апокалиптический финал.

«Революция, – писал Н. А. Бердяев, – есть малый апокалипсис истории...»¹. Спустя несколько десятилетий, Ч. Т. Айтматов, как бы наследуя бердяевскую мысль, устами Роберта Борка предрек: «Разве все эти нескончаемые войны, и так называемые славные в том числе, все эти революции, бунты, восстания, преступления, жестокость властей, деспотизм учений и идеологий – разве все это, вместе взятое, все, что постоянно корежит, выкручивает жизнь, судьбы, делает народы постоянно взаимоненавидящими, людей – алчными существами, разве все это... не предчувствие конца света?» [V, 83].

Симптоматично, что в творчестве зрелого Ч. Т. Айтматова все жестокое, страшное, темное приобретает черты антиутопии, жанра, возникшего, как известно, на основе утопий, претворяющихся в действительность со страшными последствиями. Так, например, родилась антиутопия Шигалева из романа «Бесь» Ф. М. Достоевского, основная идея которой сводилась к всеобщему равенству путем понижения уровня образования и высших способностей, когда люди становятся «в рабстве своем равны», а незначительная горстка избранных безгранично господствует над ними.

Пройдет немногим больше ста лет – и появится антиутопический роман Ч. Т. Айтматова «Тавро Кассандры». В обществе, описываемом писателем, главной действующей фигурой должен явиться искрод – совершенно новый тип человека, выведенный в лабораторных условиях путем «воздействия идеи на материю» и преобразования ее «в социально-политический идеал», что, соответствующим образом, уравнивает всех в своих обязанностях. Айтматовское антиутопическое общество – это общество новой эры человечества, в котором незыблемые основы бытия – «семья и прочие родственные отношения как архаичные институты старого мира насилия будут сброшены на свалку истории именно искродами» [V, 215]. Перед нами общество, решившееся в конце концов стать абсолютно свободным от всех нравственных законов, «от векового груза устаревшей этики». А такие понятия как «Мать», «Отец» вообще уйдут в область преданий или будут иметь чисто условное значение» [V, 222]. Жутко? Но делается все это исключительно во благо обезличенных искродов, генетически не

¹ Цит. по: Сараскина Л. Страна для эксперимента // Октябрь. – 1990. – № 3. – С. 162.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука. – 1990. – С. 108.

имеющих никакого отношения к женщине – донору, вынашивающей плод. Новый тип «бескорневого человека» всецело посвятит себя «производительному труду, другим актуальным задачам, и прежде всего, конечно, делу неотвратимой мировой революции» [V, 222].

Итак, в отличие от предыдущих романов, в «Тавре Кассандры» все явственнее ощущаются нарастающие тревога и страх, что соответствующим образом отражается и на стиле Ч. Т. Айтматова: его слог становится жестким, несколько приукрашенным, пересыпанным риторическими вопросами и злободневно-публицистическими тирадами, испещренным восклицательными интонациями. Возникает ощущение, что роман произведен на свет как бы двумя Ч. Т. Айтматовыми: философствующим публицистом и наделенным неординарным пластическим даром художником. Видимо, сама жизнь требует от писателя более глубокого освоения общественно-политической тематики, когда уже невозможно выразить свои мысли и чувства только на языке образов, создавая при этом полноценные человеческие характеры. Вообще, в последнее время Ч. Т. Айтматов, явно тяготеет не столько к ярко выраженной психологической разработке литературных характеров, сколько к «скрытым» или, как уже неоднократно было замечено, «архетипическим» формам психологизма. Думается, что «эсхатологическая» лейтмотивность позднего творчества киргизского писателя, истоки которой сокрыты в так называемой «архетипической» памяти человечества, самым красноречивым образом свидетельствует об этом. Чисто внешнее, на первый взгляд, отсутствие психологического пласта романа «Тавро Кассандры» представляется нам проявлением внутренней установки автора, выражающего всю сложность и неоднозначность философско-психологического облика эпохи кажущейся апсихологичностью. На самом деле Ч. Т. Айтматову присуще сознательное стремление выразить и донести до читателя определенную идею, донести всеми средствами, включая прямое или скрытое, а не обязательно заложенное в системе художественных образов ее провозглашение и разъяснение. Отсюда – свойственное всем художникам подобного толка обращение к проповедничеству, злободневности, а подчас и декларативности, – компонентам, содержащим четкую полемико-публицистическую направленность, дезориентирующую и раздражающую некоторых критиков, склонных расценивать публицистичность как досадное «понижение» уровня художественности. Так было с романом «И дольше века длится день», где совершенно очевиден сплав художественного и публицистического начал. А в «Плахе» публицистичность вообще становится неотъемлемой частью всей ткани

романа, начиная с религиозных мотивов и заканчивая злобой дня. Уместно заметить, что в этом смысле киргизский прозаик не является первооткрывателем. В разные века и в рамках разных литературных стилей и направлений писатели активно использовали элементы публицистики, что ни в коей мере не означало профессиональной ограниченности художника, наоборот, нередко сопутствовало рождению высокохудожественных произведений иного качества. Нужно ли доказывать, что историко-философская публицистика «Бесов» Ф. М. Достоевского столь же необходимый компонент романа, как «чистая» художественность?

Таким образом, объединяющим типологическим фактором сопоставляемых романов Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова является нерелективный, непреднамеренный, так сказать, надзлохальный подтекст, восходящий к «коллективному бессознательному», в неразличимую глубину архетипических сюжетов, о чем говорил К. Г. Юнг¹.

Однако если у Ф. М. Достоевского, в силу целого ряда объективных и субъективных причин, именно Россия стала той страной, где общечеловеческий кризис достиг наибольшей глубины, то у Ч. Т. Айтматова апокалиптический финал – реальная угроза всему человечеству, поправшему законы Разума и Добра. Трагическая новизна эсхатологической тематики Ч. Т. Айтматова состоит в том, что он рисует возможный конец света как грозное предупреждение, содержащее своеобразный призыв к самовозрождению Человека и человечества в масштабах всего мира. В отличие от Ф. М. Достоевского, хорошо знающего христианскую традицию вообще и Апокалипсис в частности, интерес к эсхатологической тематике Ч. Т. Айтматова, имеющего к религии несколько опосредованное отношение, обусловлен *архетипическим* сознанием. Причем, если русский классик черпал свои *архетипические* сюжеты в основном из Евангелия и народных апокрифов, то современный прозаик обращается как бы к *культурной памяти*² всего человечества с тем, чтобы высветить губительные последствия эпохи перемен конца XX века в общепланетарном масштабе.

¹ Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX в. в. Трактага, статьи, эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 225, 228, 230.

² Термин, активно используемый в современном литературоведении. См.: Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Пер. с англ. Н. М. Жутовской и Е. М. Видре. – СПб.: Академический проект, 2000; Кантор В. Достоевский и культурная память // Вопросы литературы. – 2001. – Март – Апрель. – С. 334-343.

Итак, эсхатологические мотивы, нашедшие свое яркое выражение в творчестве сопоставляемых писателей, со всей очевидностью усиливают психологический подтекст, позволяя, таким образом, глубже исследовать «недра» души человеческой и субстанциональные пласты коллективной психологии – ментальность целой эпохи.

Заключение диссертации содержит общие выводы.

Сердцевиной традиционной психологической прозы, главным ее достижением, был и остается литературный характер – живая фигура, реально существующий человек. Усваивая литературный характер, читатель невольно усваивает и отлившийся в нем авторский взгляд на проблемы Человека и мира, то есть его мировоззренческую концепцию. Между тем, испытывая потребность в новых жанровых формах, современная литература все чаще и чаще уклоняется от традиционного психологического письма в сторону антиутопии и гротеска с четко выраженным присутствием автора или очень близкого к нему лирического героя. Отказываясь от явной фабульности, привычных беллетристических сюжетов и героев, то есть всего того, что обладало проверенным эстетическим качеством, литература, так сказать, предпочла поэтику условностей и перешла к поискам «новых контактов с действительностью». Одним из таких «новых контактов» явилось освоение «мифологического письма», активное включение в структуру произведений *архетипических* сюжетов. Ярким свидетельством подобного рода «открытий» явилось творчество Ч. Т. Айтматова, особенно это касается его поздних произведений. Современный писатель, условно говоря, отказывается от эстетики – ради этики, от привычной беллетристической манеры – ради обнажения своей гражданской и нравственно-философской позиции. И делает это в своеобразной, мифологически-носительной форме, значительно обогащая при этом философско-психологическую поэтику своих произведений. Иначе говоря, благодаря *архетипическим* или фантастическим «вливаниям» Ч. Т. Айтматов пытается глубже познать Человека и мир, в котором он (Человек) живет. Причем, открытая философско-психологическая проблематика его романов не только доминирует, но необычайно сложно, порой весьма оригинально, разветвляется внутри себя, доводится до анализа духовного состояния эпохи рубежа веков. Вместе с тем глубочайшее проникновение в психологию человека, постановка нравственно-философских проблем, введение *архетипических* или фантастических образов и сюжетов в полной мере соответствовало и творческому методу великого русского предшественника Ч. Т. Айтматова – Ф. М. Достоевского. Именно это обстоятельство позволило исследовать индивидуальные и типологические особенности художественного психологизма этих писателей.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ ОТРАЖЕНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Нравственно-философские аспекты «безумия» в творчестве Достоевского («Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы») // Начало: Сборник лучших работ студентов-победителей I научно-студенческой конференции ГИЯГН. – Бишкек, 1993. – С. 16-20.
2. К проблеме антропологизма в творчестве Ф. М. Достоевского // Озмительские чтения-96: Материалы филол. конф. / Кыргызско-Российский Славянский университет. НИИ регионального славяноведения. Бишкекский гуманитарный университет. – Бишкек, 1997. – С. 8-17.
3. Нравственно – философская концепция человека в творчестве Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова // Молодежь и наука: проблемы и перспективы. Доклады внутривузовской научной конференции аспирантов и молодых ученых. – Бишкек, 1997. – С. 32-39.
4. Апокалиптические мотивы в поэтике романного творчества Ф. Достоевского и Ч. Айтматова // Озмительские чтения-99: Материалы филол. конф. / КРСУ и др. – Бишкек, 1999. – С. 91-99.
5. Архетипическая память в романах Ч. Айтматова как принцип художественного психологизма (в производстве).
6. Психологические черты революции в романах «Бесы» Ф. М. Достоевского и «Тавро Кассандры» Ч. Т. Айтматова (в производстве).

RESUME

The dissertation "The Conception of the artistic psychologism in F. Dostoyevsky's and Tch. Aitmatov's novelistic creativity" is devoted to studying the typological peculiarities and individual features of the artistic psychologism which is characteristic of the novelistic creativity of the compared writers.

In the work the fundamental principles and factors of artistic psychologism (in novels "Idiot", "Demons", "Karamazov brothers" by Dostoyevsky, "The day that lasts more than a century", "The place of the Skull", "The mark of Cassandra" are revealed, the characteristic of the principal functions of artistic symbols, archetypal and mythological motifs is given, peculiarities and originality of the literary process of the boundaries of XIX-XX and XX-XXI centuries are defined.

The analysis of the novels showed the variety of means of the artistic psychologism, which allowed to penetrate in spiritual sphere of the human nature.

Besides, in the artistic arsenal of the both writers psychological depth and analytical approach is shown. The writers fill their works with an extremely rich maintenance by touching hidden parts of human psychology.

The common mythologism of some work of the compared writers allowed to correlate the principles of the artistic psychologism, used by both of them, with the "mythologization of psychology", or "archetypical psychologism".

АННОТАЦИЯСЫ

"Ч.Т. Айтматовдун жана Ф.М. Достоевскийдин романдык чыгармачылыгында коркөмдүк психологизмдин концепциясы" деген диссертациялык иш салыштырылган жазуучулардын романдык чыгармачылыгына таандык болгон коркөмдүк психологизмдин индивидуалдык сапаттарын жана типологиялык өзгөчөлүктөрүн изилдөөгө арналган.

Диссертацияда Ф.М. Достоевскийдин «Көк мээ», «Жин-шайтанлар», «Бир тууган Карамазовдор» жана Ч.Т. Айтматовдун «Кылымды карлар бир күн», «Кыямат», «Кассандра тамгасы» деген романдарында коркөмдүк психологизмдин негиз салуучу принциптери жана факторлору көрсөтүлөт. философиялык – психологиялык маселелердин коюлушунда жана чечилишинде архетипикалык жана мифологиялык себептердине жана коркөмдүк символикасынын негизги функцияларына мүнөздөмө берилет. XIX–XX кк. жана XX–XXI кк. чегиндеги тарыхый – адабий процесстеринин өзгөчөлүктөрү жана мүнөздүү бөтөнчөлүктөрү аныкталат.

Салыштырылган жазуучулардын чыгармаларынын анализи адамдын руханий дүйнөсүнө тереңирээк кирүүгө мүмкүнчүлүк берген коркөмдүк психологизмдин каражат – тарынын көп түрдүүлүгүн көрсөтгү.

Андан тышкары тигил жана бул автордун чыгармачылык байлыгында адамдын жаратылышын түшүнүүдө философиялык тереңдик жана аналитикалык көз караш биринчи планга чыгат.

Психиканын жашыруун катмарларына токтоло отуу, Ф.М. Достоевский жана Ч.Т. Айтматов өзүлөрүнүн чыгармаларын ото бай архетипикалык мазмуну менен толтуршат. Орус жазуучунун кээ бир чыгармаларынын жалпы мифтик түрү жана жалпысынан кыргыз прозактын чыгармачылыгы, эки автор тең колдонулган, бир катардагы корунушу менен – «психологиянын мифологиязациясы» же «архетипикалык психологизм менен» өз ара катыштыгын белгилөөгө мүмкүнчүлүк берилет.

Подписано в печать 5 ноября 2002 г.

Формат 60x84 1/16. Офсет. Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии КРСУ